

№257 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

преп. Андрей Рублёв

Сегодня Церковь отмечает память Андрея Рублева – непревзойденного иконописца-гения, творчество которого является одной из вершин не только русской, но и мировой культуры.

Как мы с Вами знаем, кинематограф появляется в конце 19-го столетия, и почти вместе с ним – мультипликация. Понятное дело – примитивный кинематограф и примитивная мультипликация, в первую очередь, в техническом отношении. Но теоретически уже, скажем, в 1895-м году **была** такая возможность, пусть и с напрягом, изготавливать мультики «Винни-Пух», «Ну, погоди!», «Том и Джерри». Чёрно-белые, конечно, без звука, но главная проблема совершенно в ином. Вот попытайтесь представить, как бы выглядели наши любимые герои – Винни, Пятачок, Джерри, Том, Заяц, Волк? Абсолютно натурально. Волк был бы, как настоящий, только что из лесу выбежавший, заяц – соответственно, как наш кролик в клетке. Винни-Пух – в виде обыкновенного медведя, которого мы можем увидеть в цирке. Том напоминал бы нам нашу домашнюю кошку, а Джерри выглядела бы, как попавшая в мышеловку обыкновенная мышь. Т.е., Вы представляете это убожество – вряд ли такие мультики радовали бы нас и забавляли.

А дело в том, что художники прошлого не знали, что такое шарж или карикатура, в нашем с Вами смысле этих понятий. Чем занимались художники 17-го, 18-го, 19-го веков? По сути, фотографией. Они смотрели на объект и запечатлевали его на холсте в таком же виде, каков он есть. И чем более похож был рисунок на объект, с которого писалась картина, тем считалось удачнее письмо, тем талантливее художник.

Конечно, такие гении, как Репин, Перов – умели подглядеть момент, наиболее характерный для того или иного персонажа, жест, выражение лица, которые обычно люди прячут, и, как папарацци, «сфотографировать» своим взглядом, сохранив в памяти характерный образ человека, с которого пишут портрет или картину. Но, тем не менее, изображения все были предельно реалистичными. Собственно, академизм как направление в изобразительном искусстве и предполагал полную адекватность картин с изображаемыми объектами. Поэтому, никому и в голову не пришло бы нарисовать, скажем, медведя, иначе, чем как он выглядит на самом деле, или кота – в тех видах, в которых его изобразили мультипликаторы 20-го столетия.

Так что же случилось, чем ознаменовано начало 20-го века в изобразительном искусстве? Бун-

том против заскорузлых стереотипов и освобождением от узких рамок академизма. В какой-то момент художник почувствовал себя вовсе не обязанным изображать человека, животных, или предметы, нас окружающие, в том виде, в котором мы можем их увидеть на фотографиях. Полная свобода – нос можно нарисовать картошкой, глаза могут быть на поллица или вообще не на месте, и рот, не имеющий к физиологии никакого отношения.

Во имя чего сие – весь этот слом традиции, разрушение общепринятых канонов!? Для возможности выражать **психологию** изображаемого объекта. Понимаете, невозможно показать чувства глубокой досады того же мультяшного кота, его зависти, или злобы, радости или грусти, если Вы изобразите его натуралистически. Даже глубину человеческих переживаний художник-академист не сможет показать, как это сделает, например, карикатурист. Изобразить пароксизм страданий, досады, приступ жадности – настоящему осуществляемая задача только для карикатуриста, который, собственно, что делает с объектом? Он искажает его до неузнаваемости, но этим достигает передачи характера и переживаний.

Собственно, любые направления модернизма 20-го века и сводились, собственно, к разрушению форм исключительно ради показа того незримого, что заключено внутри объекта – его психической составляющей. Это и экспрессионизм, и поп-арт, и кубизм, и многие другие направления в новом изобразительном искусстве. Сломать оболочку, чтобы увидеть, что там внутри изображаемого объекта. Фактически, это совершенно новый, в хорошем смысле, революционный подход в мировом искусстве в целом.

Действительно – **новый** подход, только лишь с одной оговоркой, но весьма важной. Если удалить из поля зрения византийскую и старорусскую иконопись, которую, в частности, представляет ныне празднуемый святой – преподобный Андрей Рублев, родившийся еще в конце 14-го века в Новгороде. Ну, Рублев – известная личность – инок – принявший монашеский постриг в Троице-Сергиевой Лавре, и всю дальнейшую жизнь посвятивший иконописи вместе со своим сопостником Даниилом Черным, и даже какое-то время подвизавшийся с Феофаном Греком.

Так вот иконы Андрея Рублева и его сподвижников не были натуралистичными. Если Вы внимательно взгляните в лики, там много чего нарушено – пропорции, перспектива, причём, зачастую они **сильно** искажены, вплоть до разлома. Недаром, в 18-м и 19-м веке, когда была почти утрачена традиция древневосточной иконописи, умники подсмеивались над иконописцами прошлого, дескать – рисовать те не умели, мол, всё не как у живого человека – нос тонкий, как спичка, зато удлинённый, рот, непропорционально маленький, уши совсем не настоящие и т.д.

Да, на фоне натурализма в живописи, скажем, 18 века – это выглядело бездарностью, наподобие «Сеятеля», вышедшего из под кисти Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова. Иконы Андрея Рублева тогда просто ставились ни во что, да собственно, и само имя Рублева мало кому было ведомо. А между тем преподобный Андрей со своими братьями-иконописцами опередили время эдак столетий на шесть. Именно иконописцы взяли на себя смелость разломать телесные формы и пропорции изображаемых ими святых, чтобы явить их внутренний, духовный мир.

Да, Андрея Рублева и его сподвижников многие не понимали – особенно с реформой Никона в XVII веке, когда к превеликому сожалению, культура древне-восточной иконописи стала исчезать, а в наши храмы вторглась живопись реалистическая, следовавшая западным образцам. Том и Джерри, образно говоря, стали изображаться в виде натуралистичных рябого кота и серой мыши.

Протопоп Аввакум горько возмущался по этому поводу. Он писал: «По попущению Божию умножилось в русской земле иконного письма неподобного... Пишут Спасов образ - лицо одутловато, уста червонные, власы кудрявые, руки и мышцы толстые... будто с живых пишут... Старые добрые изографы лицо и руки и все чувства отончали..., а ныне подобие святых пишут с *самых себя* - каковы сами».

Целых три века господствовало засилье натурализма в русской иконописи, что же касается мирского искусства – это было вообще привычным и естественным, как, наконец, в 20-м веке – лед тронулся - тюремная стена, заключающая подлинное изобразительное искусство, разрушена. И вспомнили Андрея Рублева. Его иконами стали восхищаться и верующие, и неверующие. И даже безбожная Советская власть не смогла воспрепятствовать славе гения. В 1947 с позволения властей учрежден заповедник Андрея Рублева в Спасо-Андрониковом монастыре. О нем стали говорить в интеллигентских кругах, открывать памятники. Даже кратер на Меркурии назван в честь преподобного Андрея.

Скончался Рублёв во время морового поветрия в 1428 году в Москве в Андрониковом монастыре, где весной 1428 года выполнял свою последнюю работу по росписи Спасского собора. Похоронен преподобный там же, в Спасском соборе, возле колокольни Андроникового монастыря.

Что значит «Иже херувимы»???

«Литургия верных» (это третья, основная часть литургии) начинается повтором нескольких прошений, взятых из начальной «Мирной» ектеньи. Ну, Вы помните - «В мире Господу помолимся!... О мире свыше...», и т.д. Затем возглас предстоятеля: «Дабы мы, под державою Твоею всегда хранимые, Тебе славу воссылали...», и начинается пение так называемой «Херувимской».

Особой смысловой нагрузки это песнопение не несёт, хотя бы потому, что даже в нашем храме, как правило, звучит на славянском языке, понять который иногда трудно, а иногда вообще невозможно. Ещё до революции анекдот кто-то придумал: «Обращается прихожанин к батюшке с вопросом: Отче, объясните мне, что значит: «Иже херувимы»?

- «Тайнообразующе», - немного подумав, отвечает Его Высокопреподобие.

- А что такое «Тайнообразующе»? - продолжает допытывать святого отца духовное чадо.

- «И животворящей Троице» - отбрехивается душепастырь, который и сам ни в зуб ногой - что значит «Иже херувимы», и тем паче - «Тайнообразующе»... Ну, и так далее.

На самом деле трагедии в этом никакой нет – ну не понимают люди слов и оборотов речи сего песнопения, и бес с ним. Ничего особенного они не теряют. Ну вот, по-русски: «Мы, Херувимов таинственно изображающие и Животворящей

Троице трисвятую песнь поющие...» («Трисвятая песнь» - это Вы знаете: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!». Это из книги пророка Исаяи, где он описывает своё видение – престол Всевышнего, и вокруг него херувимов, взывающих: «Свят, Свят, Свят...»). Ну и далее: «...всякое ныне житейское отложим попечение...» - такая вот, бесхитростная песенка. Но обычно на неё делается ставка **музыкальная**, если хор, конечно, на уровне. Многие, весьма выдающиеся композиторы, писали музыку для Херувимской – тот же Чайковский, Рахманинов, Бортнянский, Глинка, Гречанинов, Чесноков, Кастаньский и прочие. Т.е., народу предлагается удовольствие насладиться произведением высокой музыки.

А в это время пресвитер или епископ **тихонечко** читает в алтаре молитву, которая, по логике вещей, должна бы произноситься во всеуслышание. На литургии в **нашей** редакции **для детей** Вы её всякий раз слышите: «Ни один человек в мире не достоин приступать или приближаться к Тебе, Царь Мира, ибо служение Тебе велико и страшно даже ангелам... Просим Тебя, очисти наши души и сердца от совести лукавой, и силою Святого Твоего Духа сделай нас достойными предстать пред сей святой Твоей Трапезою, и священнодействовать Святое и пречистое Твое Тело и Драгоценную Кровь... Не отврати лица Твоего от нас и не отвергни нас из служителей Твоих, но удостой, чтобы дары сии принесены были и от нас, смиренных и грешных, и недостойных»...

Это молитва **Церкви** – всех нас, молитва **общая, литургическая**, но, как мы уже неоднократно с Вами отмечали, с годами и столетиями в Церкви наметились серьёзные трещины, просадки и перекосы, в частности, выражающиеся в преувеличении роли пресвитера и приуменьшении значения **рядовых** членов Церкви. Ещё раз повторимся - согласно православно-христианского вероучения, совершительницей литургии, является **Церковь** - собрание верующих. А предстоятель - будь то епископ или пресвитер, лишь **озвучивает** молитвы евхаристической общины. Не он совершает Таинство, а **община верующих**, для этого собранных. Но вот эту фундаментальную, основополагающую экклезиологическую истину многие давно забыли, и это случилось не 10 лет назад, и даже не сто. Молитва эта, как мы видим, произносится пресвитером мало того, что «втайне» от прихожан, но ещё и от 1-го лица. Да, чёрным по белому так и напечатано даже в служебниках сравнительно старых изданий: «силою Святого Твоего Духа сделай **МЕНЯ** достойным предстать пред сей святой Твоей Трапезою, и **(мне)** священнодействовать Святое и пречистое Твое Тело и Драгоценную Кровь... дабы дары сии принесены были и от **МЕНЯ**...» Да кто Ты такой, чтобы священнодействовать Святое и пречистое Тело **Христово** и Драгоценную Кровь?! Самозванец эдакий! Никто тебя на это не уполномочивал! Веником из общественной уборной надо, по идее, гнать за такое! Но это сейчас – куда ни глянь. Ну если **ТОЛЬКО** за эту молитву, то жестковато будет – перебор. А вот за «тайное» чтение **Евхаристического канона** – это ещё и недобор. Здесь инквизиция в самый раз придётся.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным